

ВИКТОР ПОРОТНИКОВ

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ.
ЗА ЗЕМЛЮ РУССКУЮ!

Виктор Поротников

**Добрыня Никитич.
За Землю Русскую!**

«Яуза»

2012

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Поротников В. П.

Добрыня Никитич. За Землю Русскую! / В. П. Поротников —
«Яуза», 2012

ISBN 978-5-04-088543-5

Захватывающий исторический боевик впервые обращается к истокам легенды, показывая прославленного богатыря Добрыню Никитича не сказочным героем, а живым человеком. Князь Владимир не одолел бы старшего брата Ярополка в борьбе за власть без помощи своего дяди, наставника, соратника и воеводы Добрыни, ставшего прототипом былинного богатыря. Это Добрыня разгромил Ярополка в кровавой сече на реке Друч и возвел племянника на киевский стол. Добрыня был правой рукой и неусыпным оком Владимира Красно Солнышко все четверть века его правления, оберегая князя от заговоров и мятежей, разбив печенегов, ятвягов, поляков, волжских булгар, укрепив границы Руси и объединив славянские племена в могучее государство, – чтобы навсегда остаться в народной памяти былинным «храбром», непобедимым богатырем, защитником Русской Земли, легендарным Добрыней Никитичем...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-088543-5

© Поротников В. П., 2012
© Яуза, 2012

Содержание

Пролог	5
Часть I	6
Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	15
Глава четвертая	21
Глава пятая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Виктор Поротников

Добрыня Никитич. За Землю Русскую!

Пролог

Открываю «Сборник русских былин» Кириши Данилова и читаю о подвигах былинных богатырей, среди которых особняком стоят Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович. Меня давно занимает героический образ Добрыни Никитича. Я обращаюсь к древнерусским летописям, пытаюсь отыскать там реальный исторический прототип былинного Добрыни. В летописных анналах я обнаружил двоих Добрынь. Первый доводился дядей Владимиру Святому, крестителю Руси. Второй был воеводой Владимира Мономаха. Первый жил на Руси в X веке, второй жил в XI веке. Оба Добрыни были выдающимися людьми для своего времени, на основе их славных деяний народная молва вполне могла измыслить сказочные былины, объединив двух этих мужей в образе одного богатыря-исполина. Неувязка состояла лишь в том, что по отчеству оба реальных Добрыни были не Никитичи. У первого Добрыни отца звали Микулой, у второго – Рагуилом. Былинный же Добрыня всюду значился Никитичем, и никак иначе.

Специалисты по древнерусскому фольклору и ономастике пришли к выводу, что отчество «Никитич» скорее всего преобразовалось из отчества «Микулович», так как в древней Руси имя Никита обычно произносилось как Микита или Микеша. Да и по деяниям своим Добрыня Микулович заметно превосходит Добрыню Рагуиловича. Будучи наперсником юного князя Владимира, Добрыня Микулович ходил в походы на печенегов, ятвягов, поляков, волжских болгар... Он ставил крепости на южных рубежах Руси, вел переговоры с правителями соседних государств, насаждал христианство среди кривичей и словен ильменских.

Работая над этой книгой, я взял за основу жизнь и реальные деяния Добрыни Микуловича, дяди Владимира Святого.

Часть I

Глава первая Недобрые вести

Слух этот разнесли по торжищу греческие и варяжские купцы, прибывшие в Новгород из Киева по высокой весенней воде.

Юный новгородский князь Владимир побледнел и изменился в лице, когда чашник Рацлав, побывавший с утра на торгу, взволнованно поведал ему о том, что, по слухам, его сводные братья Ярополк и Олег, рассорившись, обнажили меч друг на друга.

– В сече дружина Ярополка порубила дружину Олега, – торопливо молвил Рацлав, прислуживая князю Владимиру за утренней трапезой. – Пал в той битве и князь Олег Святославич. Отныне Ярополк владеет не токмо Киевом, но и Древлянской землей.

Владимир резко отодвинул от себя блюдо с моченой брусникой и швырнул на стол деревянную ложку.

– Кликни ко мне Добрыню, – приказал он, схватив чашника за широкий рукав белой рубахи, – да поживее!

Рацлав отвесил князю поклон и торопливо удалился из трапезной.

Две молодые челядинки в длинных льняных платьях, с волосами, заплетенными в косы, растерянно замерли у бревенчатой стены в трех шагах от стола с яствами. Им надлежало подкладывать князю кушанья в тарелку, уносить объедки и подливать в его чашу сладкую медовую сыту. Поскольку Владимир не прикасался к еде, нервно расхаживая по скрипучим березовым половицам, обе служанки оказались как бы не у дел. Девушки молча переглядывались, не решаясь заговорить с князем-отроком, видя его хмурое, сосредоточенное лицо. Обычно Владимир был всегда весел и разговорчив.

Добрыня доводился Владимиру дядей, будучи родным братом его матери, которая ныне жила под Киевом, в селе Будутине.

Едва Добрыня переступил высокий порог трапезной, как Владимир устремился к нему с раздраженным возгласом:

– Ну, где тебя носит, дядюшка! Ведомо ли тебе, какие вести принес Рацлав с торжища?

– Ведомо, княже, – спокойно промолвил Добрыня, положив свою сильную руку племяннику на плечо. – Сядь, дружок. Не кручинься раньше времени. Все это лишь слухи. Купчишки всякое наплести могут. Вот прибудет гонец из Киева от друзей моих или от матери твоей, тогда и узнаем доподлинную правду, чем завершилась распря между братьями твоими.

Во внешности четырнадцатилетнего Владимира и тридцатичетырехлетнего Добрыни было заметно явное сходство. И дядя и племянник имели темно-синие широко поставленные глаза, высокий открытый лоб, прямой нос, широкие скулы и крепкий выступающий вперед подбородок. Правда, у Добрыни волосы были темно-русые, а у Владимира светло-пепельные.

Добрыня мягко, по-отечески убедил Владимира сесть за стол и продолжить трапезу. Он сам тоже сел к столу и, очищая от скорлупы сваренное вкрутую куриное яйцо, завел с племянником речь о том, что какие бы события ни происходили на белом свете, а от вкушения пищи никакому человеку отказываться нельзя. Владимир, внимая дяде, нехотя взялся за ложку.

Уловив чутким ухом, как скрипнули ворота и под окнами трапезной протопали по деревянному настилу чьи-то тяжелые торопливые шаги, Добрыня поднялся со стула и направился к выходу.

– Как откушаешь, племяш, писанием букв займись, – со строгим назиданием обронил Добрыня. – Ты – князь, а посему обязан в письме и чтении быть смысленнее бояр своих. Грамотей Силуян говорит, что ты от занятий отлыниваешь. Негоже так поступать, дружок. – Погрозив Владимиру пальцем, Добрыня скрылся за дубовой дверью.

Спеша встретить столь раннего гостя, Добрыня чуть не бегом устремился по полутемному переходу к сеням. Он чувствовал, что гость этот пожаловал явно неспроста. Выскочив из терема на высокое крыльцо, укрытое сверху тесовым навесом, Добрыня столкнулся лицом к лицу со своим тестем, боярином Туровидом. Тот счищал куском бересты жирную грязь, налипшую к его яловым сапогам.

– Здрав будь, отец мой, – вымолвил Добрыня. – Где это ты в эдакую грязь влез? Ведь от твоего дома до наших ворот весь путь еловыми бревнышками выложен. Нету там ни луж, ни грязи.

– С торжища я к тебе пришел, зять, – ответил Туровид. – Дабы сократить дорогу, поспешил я сюда не прямыми улицами с деревянной мостовой, а грязными кривыми переулками. – Туровид поднял на Добрыню глаза, полные тревоги. – С плохими вестями я пожаловал к тебе, друже.

– Знаю, что ты хочешь мне поведать, – хмуро произнес Добрыня. – Мои челядинцы уже побывали на торгу, наслушались баек от киевских торговых гостей.

– Ну и что ты скажешь на это? – Плечистый бородастый Туровид пытливым взглядом заглянул зятю в глаза.

Добрыня оперся ладонями о высокие резные перила, ограждавшие широкую верхнюю площадку крыльца, и после краткой паузы промолвил:

– Не возьму я в толк, ежели честно, что могло довести Ярополка и Олега до кровавой распри, они же всегда друг за друга стояли горой. Владимира Ярополк недолюбливал, это верно, но к Олегу он относился с нежностью и дружелюбием. Олег всегда и во всем уступал Ярополку, как старшему брату. Не пойму, какая собака меж ними пробежала. – Добрыня озадаченно пожал плечами, отчего на его длинной свитке, расшитой золотыми нитями, засияли блестящие искры в лучах утреннего солнца.

– Чует мое сердце, нехорошая каша заваривается в Киеве, – сказал Туровид, понизив голос. – Как бы не пришлось нам со временем эту кашу расхлебывать. Сегодня Ярополку Олег чем-то помешал, завтра ему Владимир будет не угоден. Смекаешь, зять?

Добрыня понимающе кивнул, обменявшись взглядом с Туровидом.

– Ладно, я пойду. – Туровид нахлобучил на голову шапку с меховой опушкой, которую он держал в руке. – Как там дочь моя? Здорова ли?

– Может, зайдешь, батюшка. – Добрыня сделал гостеприимный жест в сторону двери. – Посидим, выпьем хмельного меду. Мечислава будет тебе рада, да и Владимир тоже.

– В другой раз, зять, – проговорил Туровид, грузно спускаясь по ступеням крыльца. – Дел у меня много с утра. Кланяйся от меня Владимиру и Мечиславе.

На княжеский двор было не так-то просто попасть, вокруг со всех четырех сторон возвышался высокий частокол, у ворот день и ночь дежурили княжеские гридни. Туровида княжеские дружинники пропускали беспрепятственно, ибо знали, что он доводится родней Добрыне.

Мечислава, жена Добрыни, была на шестом месяце беременности, поэтому никуда не выходила из терема. Обо всем, что творится в Новгороде, Мечислава узнавала от своей пронырливой служанки Заряны и от своих подруг, навещавших ее.

Мечислава вышла замуж за Добрыню в шестнадцать лет, повинувшись воле родителей, которые желали возвыситься над новгородской знатью, породнившись с могущественным дядей юного князя Владимира. Ни для кого в Новгороде не было тайной, что всеми делами заправляет Добрыня, который отдает распоряжения от имени князя и по своему усмотрению поль-

зуются княжеской печатью. Гридней в княжескую дружину и челядинцев в княжеский терем подбирали опять же Добрыня.

Ученых людей, владеющих славянской грамотой и повидавших чужедальние страны, опять-таки подыскивал Добрыня для просвещения своего племянника.

Ныне Мечиславе исполнилось семнадцать лет, и она собиралась разродиться своим первенцем.

Расставшись с тестем, Добрыня заглянул в покои жены. Он застал Мечиславу шушукующейся о чем-то со своей любимой служанкой Заряной. По серьезным лицам Мечиславы и Заряны можно было понять, что слух о кровавой расправе между Ярополком и Олегом уже дошел и до них.

Добрыня не успел рот открыть, чтобы осведомиться у Мечиславы об ее самочувствии, как та опередила его вопросом.

– Свет мой, слышал ли ты про смерть Олега Святославича?

– Сие мне ведомо, милая, – нехотя ответил Добрыня.

– Что же теперь будет? – опять спросила Мечислава. – Неужто Ярополк не понесет никакой кары за убийство родного брата?

– А вот это уже не вашего ума дело, сороки! – раздраженно бросил Добрыня и, резко повернувшись, вышел из светлицы.

Сидевшие бок о бок на скамье Мечислава и Заряна недоумевающе переглянулись. Обычно Добрыня всегда был ласков со своей юной женой, приветлив он был и с Заряной, ценя ее за сметливый ум и умелые руки.

«Кто из бояр киевских осмелится осудить Ярополка за пролитие крови брата? Да никто! Наверняка кто-то из старшей дружины и подтолкнул Ярополка к этому злодеянию, – мысленно рассуждал Добрыня, удалившись в полутемные сени, пронизанные косыми потоками солнечного света, которые пробивались в помещение сквозь неплотно закрытые оконные ставни. – Туровид прав, в Киеве творится что-то неладное. Не мог Ярополк сам отважиться на убийство брата. За его спиной явно кто-то стоит!»

Терзаемый такими мыслями, Добрыня не находил себе места. Он понимал, что если кто-то внушил Ярополку мысль стать единовластцем на Руси, тогда угроза смерти в скором времени нависнет и над Владимиром. Убрав Владимира, Ярополк приберет к рукам Новгород, который по богатству не уступает Киеву. Добрыня сознавал, что дружина у Ярополка гораздо сильнее, чем у Владимира. К тому же очень многие из новгородцев не станут сражаться с Ярополком, если тот пойдет войной на Владимира или просто прикажет ему уйти прочь из Новгорода. Ведь Ярополк – верховный князь на Руси, его воля – закон. Ярополк рожден княгиней Предславой, законной супругой ныне покойного князя Святослава Игоревича, а Владимир является сыном княжеской наложницы. Ярополк унаследовал киевский стол по праву рождения, Владимир же возвысился лишь по воле случая. В свое время, когда новгородцы просили у Святослава Игоревича дать им в князя одного из его сыновей, ни Ярополк, ни Олег не пожелали ехать в Новгород. Тогда новгородцы по совету Добрыни убедили Святослава Игоревича дать им в князя восьмилетнего Владимира.

С той поры прошло шесть лет.

«Неосмотрительно поступил Святослав Игоревич, уходя в свой последний поход к Дунаю и оставив блюстителями Руси сыновей-отроков, – размышлял Добрыня. – Теперь вот грозный Святослав Игоревич покоится в царстве мертвых, а его сыновья обнажают меч друг на друга. Коль так и дальше пойдет, то неминуемо развалится славянская держава, созданная могучим в рати Святославом Игоревичем. Ярополку далеко до отцовской дерзости и отваги, ему не одолеть ни вятичей, ни радимичей, коль те выйдут из-под его власти, не говоря уже про печенегов. Степняки еще доставят Ярополку хлопот!»

* * *

Прошло два дня, в течение которых Добрыня успел встретиться и поговорить со многими новгородскими купцами и боярами. Беспокойство, снедавшее Добрыню, одолевало и новгородскую знать, которая не желала быть в полной зависимости от Киева, но и страшилась войны с Ярополком. Выросший в Новгороде Владимир, Добрынин племянник, вполне устраивал имовитых новгородцев как местный князь. Владимир ни в чем не навязывал новгородцам свою волю, не вмешивался в их склоки и споры. Добрыню успокаивало то, что богатая верхушка Новгорода не желает менять Владимира на кого-то другого, и бояре новгородские были готовы прямо заявить об этом Ярополку, если у того вдруг возникнет намерение сместить Владимира с новгородского стола.

С тревогой в сердце Добрыня ожидал новых вестей из Киева. И вести эти вскоре пришли в Новгород вместе с очевидцами и участниками битвы, в которой Ярополк победил брата Олега. В Новгороде объявились уцелевшие в сече Олеговы дружинники, среди которых выделялись три мужа. Двое из них, Регнвальд и Харальд, доводились двоюродными братьями Ярополку и Владимиру. Третьего звали Добровуком, он был родом из сербов. Женившись на Тюре, сестре Харальда, Добровук вошел в круг киевской знати.

Эта троица, сойдя на пристани с корабля, сразу же предстала пред очами Добрыни.

Княжеские хоромы в Новгороде были разделены на две части; в одной располагался князь Владимир со своей челядью, в другой жил Добрыня с женой и слугами. Эта постройка, собственно, представляла собой два терема, пристроенные один к другому под прямым углом. Главный вход и красное крыльцо находились на половине князя Владимира. В тереме Добрыни тоже имелся отдельный вход, выходивший не к воротам, а к глухому частоколу и бревенчатой бане, поставленной в дальнем углу княжеского подворья. Княжеские хоромы были возведены из толстых сосновых бревен на фундаменте из камней и осиновых стволов. Терем был одноэтажный с маленькими слюдяными оконцами, с двускатной тесовой кровлей и высокими кирпичными трубами печей, выведенными наружу через чердак и крышу.

Добрыня уединился с Олеговыми гриднями в своих покоях, с нетерпеливой дотошностью выпрашивая у них о причинах и обстоятельствах, побудивших Ярополка исполчить свою дружину против Олега. Со слов Регнвальда выходило, что вражды между Ярополком и Олегом не было, а виновен во всем случившемся варяг Свенельд.

– Ты же знаешь, каким расположением пользовался Свенельд у Святослава и у его отца Игоря, – молвил Регнвальд Добрыне. – Свенельду были пожалованы земельные владения на Днестре и Припяти, а также в Подесенье. После гибели Святослава в битве с печенегами у днепровских порогов Свенельд, по сути дела, стал верховным правителем в Киеве, ведь Ярополку в ту пору было всего тринадцать лет. Дружинники Святослава, сумевшие пробиться в Киев, признавали главенство Свенельда, понимая, что Ярополк еще мальчик и мало смыслит в государственных делах. Олег же был еще моложе Ярополка, потому-то Свенельд и отрядил к нему в Искоростень часть Святославовой дружины. Меня, Харальда и Добровука бояре киевские определили в советники к Олегу.

Из дальнейшего рассказа Регнвальда перед Добрыней возникла полная картина роковых событий, приведших к гибели Олега.

Поскольку владения Свенельда в Древлянской земле соседствовали с землями князя Олега, то однажды Свенельдов сын Лют, охотясь на оленей, захал со своей свитой на Олегову территорию.

– На беду Олег в тот день тоже выехал на охоту и наткнулся на Люта и его людей, которые гонялись за оленями в его лесных угодьях, – молвил Регнвальд. – Олег повелел Люту убираться прочь и оставить всю добытую дичь ему, как хозяину этого леса. Дерзкий на язык Лют ответил

Олегу в оскорбительном тоне, мол, мальчишка не смеет приказывать ему, зрелому мужу. Я не присутствовал при этой перепалке между Олегом и Лютом. С Олегом были тогда Харальд и Добровук. – Регнвальд бросил взгляд в их сторону, как бы приглашая продолжить повествование от своего лица.

Поскольку у Харальда рот был набит вяленой телятиной, роль рассказчика взял на себя длинноволосый бородатый Добровук.

– Лют вел себя очень заносчиво перед Олегом, он заявил ему, что тот носит княжескую шапку по милости его отца, Свенельда, – продолжил Добровук, опорожнив чашу с хмельным медом и утирая усы рукавом льняной рубахи. – Лют сказал еще, что стоит Свенельду захотеть, и князем над древлянами будет он, Лют. В общем, Лют не пожелал подчиниться Олегу, видя, что у того свита меньше, чем у него. И тогда Харальд бросил Люту, что ежели князь Олег пожелает, то голова Люта мигом слетит с плеч. – Добровук сделал паузу и посмотрел на Харальда.

– Ну, не сдержался я тогда, признаю, – виновато отозвался Харальд, прожевавший мясо. – А что оставалось делать? Смотреть, как Лют насмехается над Олегом, и молчать? Надо же было урезонить этого наглеца!

– Да уж, брат, ты неплохо урезонил Люта, срубив ему голову мечом, – усмехнулся Добровук.

– Олег пожелал, чтобы я убил Люта, – пожал плечами Харальд. – Я выполнил повеление своего князя.

– Дружинники Люта, конечно же, бросились на нас, – продолжил свой рассказ Добровук. – Нас хоть и было вдвое меньше, но мы защитили Олега и перебили почти всех Лютовых людей. Лишь четверым Лютовым гридням удалось ускользнуть, десятерых мы посекли насмерть. С нашей стороны убитых не было.

– Сколько же было вас, не считая Олега? – поинтересовался Добрыня.

– Я, Харальд и еще пятеро воинов, – ответил Добровук.

– Кабы я был тогда с вами, то не допустил бы до этого кровопролития, – хмуро заметил Регнвальд. – Вы защитили честь Олега, но одновременно приговорили его к смерти. Свенельд, схоронив Люта, принялся всячески настраивать Ярополка против Олега. Целый год Свенельд строил козни и ужом вился вокруг Ярополка, возбуждая в нем неприязнь к брату. Когда Олег потребовал отнять владения Свенельда у реки Припяти и передать ему, это дало повод Свенельду обвинить Олега в намерении выйти из-под власти старшего брата. Бояре киевские поддержали Свенельда и убедили Ярополка выйти с войском против Олега. – Регнвальд тяжело вздохнул и замолчал.

– В сече под Овручем киевляне разбили Олегову рать, – печально промолвил Добровук. – Рассеянные полки древлян искали спасения за стенами и валами Овруча. В давке и толкотне мы потеряли Олега из виду. Не всем Олеговым ратникам удалось укрыться в Овруче, многие из них были убиты стрелами, многие были потоптаны конницей, многие свалились в ров с моста, ведущего к крепостным воротам...

– Там же во рву было обнаружено и тело Олега, когда киевляне подсчитывали павших с обеих сторон, – продолжил Регнвальд. – Я был на крепостной башне и видел, как дружинники Ярополка доставали из рва убитых воинов и лошадей. На Олеге не было ран, он умер от тяжести свалившихся на него сверху трупов. Видел я и слезы Ярополка над телом брата, и торжествующего Свенельда, который предлагал древлянам сдать крепость в обмен на сохранение жизни. Древляне согласились с условиями Свенельда и сложили оружие, не видя проку в продолжении распри, ибо Олег был уже мертв.

Регнвальд, Харальд и Добровук ночью бежали в Искоростень, забрали оттуда своих жен и детей, после чего лесными дорогами устремились к Днепру. Вместе с ними ушли еще около тридцати Олеговых дружинников, опасавшихся мести со стороны Свенельда. В городке Рога-

чеве, что во владениях дреговичей, беглецы купили ладью и речным путем за десять дней добрались до Новгорода.

После всего услышанного Добрыня немного успокоился. Если смерть Олега есть результат козней мстительного Свенельда, значит, Владимиру покуда нет никакой угрозы со стороны Ярополка.

Глава вторая

Бегство за море

Не прошло и недели, как в Новгороде объявились посланцы от Свенельда. Выступая перед новгородским посадником и старейшинами, киевские послы потребовали выдать беглых Олеговых дружинников Свенельду, который шел с войском к Новгороду. Более всего Свенельд хотел рассчитаться с Харальдом, на котором была кровь Люта.

Обычай кровной мести в те далекие времена считался священным среди славян. По этому обычаю Свенельд имел полное право преследовать Харальда где угодно, на воде и на суше, чтобы отплатить ему кровью за кровь. Киевские послы предупредили новгородцев, что те из них, кто вступится за Харальда, станут личными врагами Свенельда.

Собравшись на вече, новгородцы спорили друг с другом до хрипоты, но так и не приняли никакого решения. Горячие головы требовали ответить Свенельду твердым отказом и для пущей острастки загородить ему дорогу в Новгород вооруженной ратью. Купцы, не желавшие войны с киевлянами, от которой может нарушиться торговля, настаивали на выдаче Олеговых дружинников Свенельду. Самые осторожные из бояр предлагали просто изгнать Олеговых гридней из Новгорода, тогда не будет и причины для раздора со Свенельдом. Идти же на поводу у Свенельда и страшиться его угроз новгородцам совсем не пристало.

Добрыня, узнав от своего тестя, что новгородцы еще раз собираются на вече, встретился с Регнвальдом, Харальдом и Добровуком, велел им спешно отправляться в путь.

– Новгородские толстосумы зря времени терять не станут, уже к завтрашнему дню они с помощью серебра перетянут на свою сторону всех колеблющихся, – сказал Добрыня. – Купеческие братчины страшатся войны с Киевом как огня, ведь тогда днепровский путь до Греческого моря будет закрыт. Купцы все едино вынудят вече сделать по-ихнему, то есть они откупятся от Свенельда вашими головами.

– Куда же нам податься? – в раздумье произнес Регнвальд. – К кривичам или в муромские леса?

– Свенельд и там до вас доберется, – промолвил Добрыня. – У Свенельда руки длинные. Вам за море податься надо, други мои.

– Искать прибежище у варягов? – подал голос Харальд, вопросительно взглянув на Добрыню. – Так, что ли?

– Вот именно, – кивнул Добрыня, – к варягам Свенельд не сунется, побоится. Варяги сильны на суше и на море, война и разбой для них – любимые занятия.

– Это верный совет, – вставил Добровук. – Нам нужно свести дружбу с каким-нибудь варяжским ярлом, вступить в его дружину. Благо нам есть чем прельстить варягов, мы же не с пустыми руками бежали из Искоростеня.

– Неужто и казну Олегову прихватили с собой? – усмехнулся Добрыня.

– Не Свенельду же ее было оставлять, – проворчал Регнвальд. – У этого злыдня седобородого и так разного добра хватает в его тереме киевском. Уж я-то знаю!

– Так вот, почто Свенельд с таким рвением гонится за вами. – Добрыня понимающе покачал головой. – Ему не столько нужна голова Харальда, сколько Олегова казна.

– Я думаю, Ярополк тоже желает завладеть Олеговой казной, – сказал Добровук. – Жадности в нем не меньше, чем в Свенельде. Ради злата-серебра Ярополк готов по головам идти. И в кого токмо уродился Ярополк, ведь отец его таким не был.

– В мать уродился, в Предславу, в кого же еще! – заметил Харальд. – Предславе и дыра в чужой мошне золотом кажется, алчностью полна ее душа, а руки у нее заgreбушие.

– Ладно, други, – промолвил Регнвальд, – время дорого. Пора в путь собираться. – Он поклонился Добрыне и добавил: – Благодарю тебя за добрый совет и за твое гостеприимство!

– Жаль мне с такими отчаянными молодцами расставаться, поэтому я с вами двинусь к варягам, – внезапно заявил Добрыня, похлопав Регнвальда по плечу. – Племянника своего я с собой возьму, ибо он как-никак сын самого Святослава Игоревича. Полагаю, варяги весьма наслышаны о Святославовых походах. Нечего Владимиру в тереме киснуть, пора ему испытать трудов походных, на заморские страны посмотреть. Не тяготеет Владимир к ратным делам, вот что меня печалит. Князю же без ратного умения никак нельзя.

– Подумай, друже, стоит ли тебе с нами судьбу связывать, – обратился Регнвальд к Добрыне. – Племянник твой столом княжеским владеет, а ты при нем советник и воевода. Новгородцы сами пригласили к себе Владимира. Ярополк к Владимиру не враждебен, поэтому незачем тебе менять покой и достаток на опасности и скитания.

– Ярополк – это кукла в руках у Свенельда, – недовольно обронил Добрыня. – Кто знает, с какими помыслами направляется Свенельд в Новгород? Может, Свенельд идет сюда с улыбкой на устах и со смертным приговором Владимиру в мыслях. Не доверяю я Свенельду. С ним лучше разговаривать, имея грозную силу за спиной. Дружина у Владимира невелика, а среди новгородцев единства нету. Я увезу Владимира за море, там он целее будет. Среди варягов я смогу набрать сильную дружину, которая станет надежным оплотом для Владимира.

– Что ж, воевода, резон в твоих словах, конечно, есть, – проговорил Регнвальд. – Теряя Новгород, ты сохранишь жизнь Владимиру. Во всяком случае, на нашу помощь ты можешь рассчитывать всегда. Мечи наши наточены, а копья заострены.

* * *

Намерение Добрыни уехать к варягам и увезти с собой Владимира пришлось не по душе многим новгородцам. Особенно негодовал боярин Туровид, который видел в этом поступке Добрыни трусость и недомыслие.

– Ладно бы, Свенельд пригрозил, что убьет Владимира, – молвил зятю Туровид, – а то ведь Свенельд еще и до Новгорода не добрался, а ты уже в бега собрался. Зачем тебе связываться с Олеговыми гриднями, ведь ты же знаешь, что Свенельд на них зуб точит. Не впутывай ты Владимира в эту склоку. Незачем Владимиру пороги обивать у варягов. Вече, может, еще и не впустит Свенельда в Новгород.

– От вашего вече, отец мой, всего можно ожидать, – огрызнулся Добрыня. – Может, вече и не впустит Свенельда в Новгород, а может, и в ноги ему поклонится. На ваших народных собраниях крику много, а толку мало!

Свою беременную жену Добрыня решил оставить в Новгороде на попечение отца с матерью. Он понимал, что Мечиславе в ее положении совсем не место на корабле, полном воинов.

Юному Владимиру вовсе не хотелось уезжать из Новгорода, да еще куда-то на север, к варягам. Подросток сначала слезно упрашивал Добрыню не брать его в этот далекий поход. Видя, что слезами дядю не пронять, Владимир притворился больным, но и эта его уловка не удалась. Добрыня окатил мнимого больного ушатом холодной воды, живо заставив племянника вскочить с мокрой постели. Дабы Владимир не удрал и не спрятался у кого-нибудь из своих друзей, боярских сыновей, Добрыня приставил к нему двух гридней.

Новгородцы громко возмущались и сочувствовали юному Владимиру, глядя на то, как его чуть ли не силой дружинники тащат по дощатым сходням на борт ладьи. Добрыня кричал толпе зевак, чтобы они не путались под ногами и не мешали его людям грузить все необходимое на корабль.

– Ступайте по домам, ротозеи, да приготовьте меха и серебро, а то ведь Свенельд не любит уходить из гостей с пустыми руками, – кричал Добрыня новгородцам. – Ныне вы горделиво красуетесь предо мной, мужи новгородские, но ничего, скоро Свенельд научит вас спину гнуть.

Острословы из толпы подначивали Добрыню, крича ему, что он из пустого страха лишает Владимира стола княжеского. Мол, Свенельд еще и за меч не взялся, а Добрыня уже с перепугу за море бежать собрался. И откуда в таком статном и мужественном на вид муже такая трусливая душа?

Не отвечая на насмешки новгородцев, Добрыня поднялся на палубу ладьи с высоко загнутым носом, украшенным головой дракона с разинутой пастью. Все было готово к отплытию. Воины ожидали от Добрыни приказа отваливать от бревенчатой стенки причала. Добрыня зычно отдал команду своим людям. В следующий миг трапы были убраны и отвязаны канаты, удерживающие суда возле пирса.

Красная головная ладья, на которой находились Добрыня с Владимиром, выкатилась на середину Волхова и, подгоняемая ударами весел, устремилась к речной излуине. Следом двигались вереницей еще четыре ладьи. На замыкающей ладье, окрашенной в черный цвет, дружно гребли веслами Олеговы дружинники во главе с Регнвальдом, Харальдом и Добровуком.

Глава третья

Остров Готланд

Сырой промозглый ветер гнал по озеру Нево большие мутные волны. Рыхлые тяжелые облака заволокли небо до самого горизонта, теряющегося среди безбрежных вод огромного озера.

Сосновый лес стоял стеной, подступая к песчаной отмели, на которой покоились бортом к борту ладьи, омытые недавно прошедшим дождем. Суда напоминали уставших тюленей, которые выползли на мелководе, спасаясь от бурных волн.

Неподалеку, под кронами могучих сосен, чадили костры, над которыми висели котлы с горячим варевом. Это варяжские и немецкие купцы расположились на берегу на отдых, пережидая шторм на озере. Рядом с высокобортными купеческими кораблями приткнулись к песчаным дюнам пять ладей Добрыни и его спутников. Купцы держали путь к устью Волхова, близ которого стоял городок Ладога, принадлежавший новгородцам. От Ладоги купцы собирались идти по Волхову до Новгорода и дальше – к Смоленску и Киеву. Добрыня и его люди, наоборот, уже миновали Ладогу и направлялись по широкой озерной глади к реке Неве, чтобы по ней выйти в Варяжское море, однако непогода вынудила и тех и других пристать к берегу.

Не теряя времени даром, Добрыня свел знакомство с одним купцом-даном, который часто бывал по торговым делам во владениях свеев и на островах Эланд и Готланд. Купца звали Торбьерн. Было видно, что это человек не робкого десятка, набивший руку на торговых сделках, но при случае всегда готовый взяться за меч, если вдруг ему представится возможность безнаказанного грабежа. Торбьерн был крепок и жилист, довольно высок ростом, со светлыми длинными волосами и небольшой бородой. Его бледно-голубые глаза взирали на собеседника с легким прищуром, словно этот датчанин мысленно оценивал каждого человека, исходя из возможной выгоды от общения с ним.

Торбьерн хорошо говорил по-русски, поскольку часто бывал на Руси.

Добрыня не стал рассказывать Торбьерну об истинных причинах, побудивших его уехать из Новгорода. Он наговорил Торбьерну, будто имеет намерение поступить на службу к какому-нибудь варяжскому конунгу. Вот только Добрыне покуда не ясно, кому из варяжских князей предложить свой меч.

Добрыня и Торбьерн сидели на мягких выюках под навесом из парусины, угощаясь сушеной рыбой и ведя неторопливую беседу. В трех шагах от них пылал костер, возле которого хлопотал чашник Рацлав, подкладывая сухие ветки в огонь и помешивая кашу в котле, висящем на треноге.

– Я вижу, друг мой, ты – весьма знатный человек, – молвил Торбьерн с почтением в голосе, с уважением поглядывая на Добрыню. – Ты владеешь пятью ладьями, под твоим началом две сотни воинов и слуг. Тебе надлежит заручиться покровительством не какого-нибудь мелкого ярла, но могущественного вождя викингов. Тебе повезло, друг мой, что ты повстречал меня. – Торбьерн горделиво ударил себя кулаком в грудь. – Я знаю всех варяжских властителей как среди данов, так и среди свеев, гетов, гаутов и хетваров. Я всюду побывал, у меня много знакомых и друзей как в Ютландии и Уплленде, так и на островах Балтики.

– Это просто замечательно, друже, – улыбнулся Добрыня, жуя кусок сушеной ряпушки. – Коль ты дашь мне верный совет, то я в долгу не останусь. – Добрыня многозначительно похлопал ладонью по кошельку с серебром, висящему у него на поясе.

– Что ж, друг мой, деньги для меня никогда не лишние, – сказал Торбьерн, отломив голову у сушеной рыбки и небрежно швырнув ее в костер, – но мне хотелось бы кроме денег заручиться на будущее твоей дружбой. Мне кажется, что ты станешь со временем птицей высокого полета. У меня глаз наметанный, судьбу всякого человека я смогу увидеть на челе у

него. Сегодня ты собираешься искать чьего-то покровительства, а завтра у тебя будут просить заступы такие, как я.

– Не беспокойся, друже, – обронил Добрыня, – я добра не забываю.

– В общем, так, – заговорил Торбьерн, со значением понизив голос, – начну с Ютландии, с моих родных мест. Больше ста лет Ютландия находится под властью конунгов из славного рода Скьольдунгов, родоначальником которого был отважный Скьольд Скевинг. Ныне в Ютландии правит конунг Харальд Синезубый. Этот могучий властитель владеет не только Ютландией, но и островами Фюн, Зеландией и Борнхольмом. Фризы, саксы и ободриты, живущие к западу от Ютландии, трепещут перед Харальдом Синезубым. Думаю, друг мой, если ты попытаешь счастья в Ютландии, то не прогадаешь.

Торбьерн посмотрел в глаза Добрыне.

– Буду иметь это в виду, – невозмутимо проговорил Добрыня, протянув руку к берестяному коробу с сушеной рыбой, стоящему на песке у его ног. – Однако, друже, мне хотелось бы узнать что-либо и о других варяжских князьях.

– Что ж, изволь, – с готовностью сказал Торбьерн, ловко кинув в костер обглоданный хребет маленькой сушеной щуки.

* * *

Поздно вечером Добрыня позвал к себе в шатер Регнвальда и Харальда.

За холщовой стенкой шатра косыми струями лил дождь. С озера порывами налетал пронизывающий ветер, раскачивающий кроны высоких сосен. Деревья стонали и скрипели под напором холодных ветряных струй, время от времени где-то в лесу раздавался громкий треск ломающихся ветвей.

– Не на шутку разошелся Стрибог, – промолвил Регнвальд, снимая с себя плащ с капюшоном и передавая его чашнику Рацлаву. – Надо бы задобрить старика Стрибога жертвами, иначе можем неделю просидеть на этом берегу.

Сказанное Регнвальдом предназначалось Добрыне, который восседал на скамье возле толстой жерди, поддерживающей кожаный верх шатра. Рядом с Добрыней на этой же скамье стоял масляный светильник, язычок пламени которого источал слабый запах конопляного масла.

– Завтра поутру свершим требу Стрибогу, – нехотя отозвался Добрыня, – нечего суетиться на ночь глядя.

– Не шибко ты богов привечаешь, Добрыня, – с усмешкой заметил Харальд, скинув свой намокший плащ на руки молчаливому Рацлаву. – И в Новгороде перед самым отплытием вместо щедрой жертвы Перуну и Хорсу ты отделался жалкой подачкой, рассердив тем самым волхвов.

– Боги, как люди, стоит их избаловать щедрыми жертвами, они начинают капризничать и нос задирать, – проворчал Добрыня. – Подаянием токмо нищие калеки живут, ибо ни на что более не годны. Боги не калеки, наоборот, они бессмертием обладают. Так пусть боги сначала потрутся для людей, утихомят ветры, непогоду прекратят, тогда и получают вознаграждение по заслугам. Вон дожди идут с самого начала лета, все озимые скоро сгниют, а боги и не чешутся нисколько! Коль богам на людей наплевать, то и людям не пристало богов славить.

Регнвальд и Харальд переглянулись, изумленные столь дерзкими высказываниями Добрыни. Им обоим и в голову не могло прийти такое, чтобы хоть в чем-то порицать богов, от которых все зависит в этом мире.

– Зачем ты позвал нас? – спросил Регнвальд, усаживаясь на другую скамью напротив Добрыни.

Харальд уселся рядом с Регнвальдом, утирая рукавом рубахи свой мокрый лоб и щеки.

– Позвал я вас по важному делу, други мои, – сказал Добрыня, облокотившись на свои колени. – Перед ужином толковал я с одним купцом-даном и вызнал у него немало интересного.

– Что же ты вызнал? – загорелся любопытством Регнвальд.

– Ты же знаешь, что твоя мать была дочерью Скеглара Тости, ярла Вестерготланда, – промолвил Добрыня и сделал паузу, наблюдая за реакцией Регнвальда.

– Ну конечно, знаю, – произнес Регнвальд. – И что из того?

– Скеглар Тости умер три года тому назад, – продолжил Добрыня. – С той поры и до сего дня в Вестерготланде идет замятня, поскольку сын Скеглара Тости тоже умер. Прямых потомков по мужской линии в роду Скеглара Тости не осталось. На земли Вестерготланда теперь претендуют Торгнир, ярл Тьундаленда, и конунг свеев Эрик Сегерсель.

– Ну и что? – Регнвальд пожал плечами, не понимая, куда клонит Добрыня.

– Не будь же дурнем, приятель! – возмущенно фыркнул Добрыня. – У тебя и у Харальда есть полное право вокняжиться в Вестерготланде, ведь вы оба доводитеесь внуками покойному Скеглару Тости. Вам нужно поскорее добраться до острова Готланд и заявить о своем праве на владение тамошними землями.

Регнвальд и Харальд опять переглянулись, пораженные услышанным от Добрыни.

– Вряд ли эта затея будет иметь успех, – с сомнением в голосе проговорил Регнвальд. – Я ни разу не был на Готланде, меня там никто не знает. Моя мать уехала оттуда на Русь, когда ей было шестнадцать лет. Я родился в Киеве. Ни Скеглар Тости, ни его сын Снорри никогда меня не видели, а равно и все их приближенные. Харальд же родился в Вестфольде, и на Готланде он побывал лишь однажды, когда умерла его мать. С Готланда Харальд и его сестра Тюра уехали в Киев под опеку моих родителей. Я думаю, и Харальда на Готланде все уже позабыли, ведь сколько лет прошло. Мне ныне двадцать семь лет, а Харальду и вовсе уже за тридцать. Определенно мы с Харальдом будем выглядеть в глазах имовитых людей Вестерготланда как самозванцы.

Добрыня был иного мнения. Он принялся с настойчивостью убеждать Регнвальда и Харальда в том, что им нужно непременно заявить свои права на власть в Вестерготланде.

– Вы оба из рода покойного Скеглара Тости, ваши матери были его дочерьми, – молвил Добрыня, подкрепляя свои слова эмоциональными жестами рук. – Какие могут быть сомнения, други мои? Судьба дает вам возможность унаследовать землю ваших предков, значит, надо без колебаний принять этот дар богов. Конечно, знать Вестерготланда уже подзабыла вас, стало быть, вам надо громко и властно напомнить о себе. Встряхнитесь, братья! Вы же отважные воины! Или вы забыли, как сражались в войске Святослава с ромеями и печенегами...

Когда Регнвальд и Харальд ушли в свою палатку, окрыленные словами и замыслами Добрыни, за грубой занавеской в глубине шатра раздались негромкие всхлипывания. Заглянувший за полог Рацлав увидел рыдающего Владимира, уткнувшегося лицом в подушку. Рацлав выразительным жестом подозвал к себе Добрыню, который расстилал мягкий войлок на скамье, собираясь лечь спать.

Добрыня присел на ложе рядом с плачущим племянником и мягко коснулся рукой его растрепанных кудрей.

– Что стряслось, голубок? – тихо и участливо спросил он. – Болит у тебя что-то или сон дурной привиделся?

– Ничего у меня не болит, отстань! – сердито отозвался Владимир, повернувшись к дяде и оттолкнув его руку. – Почто ты лишил меня стола княжеского, почто потащил за собой незнамо куда?

– Я решил на это ради твоей же безопасности, дружок, – ответил Добрыня тем же тихим тоном. – После смерти твоего брата Олега нельзя доверять ни Ярополку, ни Свенельду.

Дружина у нас невелика по сравнению с войском Свенельда, а на помощь новгородцев нам ныне уповать не приходится.

– Новгородцы не выдали бы меня Свенельду, – промолвил Владимир, обратив к дяде свое красное заплаканное лицо. – Коль ты испугался Свенельда, вот и бежал бы от него один, без меня. Я – сын княжеский, поэтому мой удел править, а не скитаться по чужим землям!

– Ты еще будешь княжить в Новгороде, племяш, – уверенно произнес Добрыня. – Не вечно мы будем скитаться у чужих очагов, поверь мне.

– Лжешь! – взвизгнул Владимир, ударив кулаком по постели. – Я слышал твой разговор с Регнвальдом и Харальдом. Ты променял Новгород на Вестерготланд, хочешь прибрать к рукам тамошние земли. Ты подталкиваешь Регнвальда и Харальда к тому, чтобы они вокняжились в Вестерготланде, а сам хочешь быть при них советником. Ты все хитро продумал, дядя. – Владимир нервно усмехнулся. – Ты потому и уступил Свенельду Новгород без борьбы, ибо сделал ставку на Регнвальда и Харальда. Токмо я-то тут при чем?

– Не горячись, племяш. – Добрыня был по-прежнему невозмутим. – Со временем ты поймешь правоту всех моих действий. Нам нужно сильное войско, лишь тогда ты сможешь на равных разговаривать со Свенельдом и Ярополком. Это войско мы добудем у варягов, и в этом деле нам помогут Регнвальд и Харальд.

– Дядюшка,пусти меня и Рацлава обратно в Новгород, – умоляюще проговорил Владимир. – Не хочу я ехать к варягам, они злые и жестокие. Варяги могут пообещать тебе свою помощь, а сами нанесут тебе удар в спину, позарившись на твои деньги и корабли.

– Нет, дружок, – твердо промолвил Добрыня, – я не могу оставить тебя без своей защиты. Я обещал твоей матери, своей сестре, всегда быть рядом с тобой.

– Нупусти меня хотя бы в Ладогу, дядюшка, – слезно ныл Владимир. – Вряд ли Свенельд сунется в Ладогу. Я пересажу там и приеду в Новгород, когда Свенельд уберется оттуда.

– В эту пору года через Ладогу до Новгорода постоянно идут караваны торговых судов, – сказал Добрыня. – Кто-нибудь из купцов запросто может проболтаться о том, что ты в Ладоге. И тогда люди Свенельда мигом доберутся до тебя, дружок. – Добрыня выразительно провел ребром ладони себе по горлу, показывая племяннику, какая у него будет участь в таком случае.

От обиды и отчаяния юный Владимир зарыдал в голос, упав на постель лицом вниз, при этом он дергал руками и ногами, отпихивая от себя Добрыню. Капризный княжич прибежал к последнему средству, желая добиться своего, памятуя, что в прошлом потоки его слез порой размягчали суровое дядино сердце.

Добрыня отошел к своему ложу и как ни в чем не бывало стал снимать с себя сапоги.

Лежавший на медвежьей шкуре Рацлав негромко заметил Добрыне, мол, не лучше ли и впрямь оставить Владимира в Ладоге, ведь неизвестно, что их ожидает впереди.

Добрыня досадливо отмахнулся от Рацлава: мол, и ты туда же!

– Спи! – бросил Добрыня Рацлаву. – Подъем завтра будет ранний.

– Как же, уснешь тут! – проворчал Рацлав, сделав кивок в сторону занавески, за которой надсадно рыдал Владимир.

– Ничего, пусть поплачет наш княжич, крепче спать будет, – промолвил Добрыня и загастил масляный светильник.

* * *

На другой день буря на озере утихла, дождь прекратился, голубые небеса очистились от завесы из туч.

– Ну вот, боги и без всяких жертв с непогодой управились, – сказал Добрыня, помогая своим людям перетаскивать походную утварь с берега на ладью. – Поспешайте, други. Надо поскорее отчаливать, а то ведь милость богов переменчива.

– Не дело это, Добрыня, – промолвил Харальд. – Надо бы отблагодарить богов хоть какой-нибудь жертвой, это займет немного времени.

Раздраженно повернувшись к Харальду, Добрыня махнул рукой туда, где маячили в туманной дымке купеческие суда с горделиво загнутыми носами.

– Вон, они отсыплют богам от щедрот своих, благо эти торгаши уже почти у цели, – обронил он. – А наш путь токмо начинается, пусть боги сохранят нас на этом пути, тогда они и получают от нас воздаяние. Я не привык расплачиваться за незаконченное дело.

После двухдневного пути по реке Неве, берега которой утопали в дремучем лесу, ладьи Добрыни вышли в Варяжское море. Среди дружинников Добрыни было несколько человек, которым в прошлом довелось побывать на торговых ладьях на острове Готланд и на побережье Свеаленда, они-то и указывали путь всей флотилии. Ладьи двигались на запад, не отдаляясь от лесистого берега, который все время маячил слева по борту. На ночь корабли приставали к суше. Это был совершенно дикий край, утопающий в лесах и болотах. Здесь жила чужд, небольшой лесной народ, промысляющий охотой и рыболовством. Свои селения чужд укрывала в лесных урочищах подальше от морского берега, опасаясь людей, плавающих на больших кораблях. Разбойные варяги и купцы из разных земель частенько нападали на чужд, захватывая людей из этого племени для продажи в рабство.

Спустя пять дней зеленая береговая кромка растаяла за кормой. Дальнейший путь пяти Добрыниных ладей пролегал по беспокойной глади безбрежного моря. Свинцовые пенные валы подбрасывали ладьи, идущие под парусами, словно щепки. Кормчие предлагали Добрыне переждать шторм на острове Хийумаа, но тот не послушал их. Добрыне не терпелось поскорее добраться до Вестерготланда. «Надо поспешать, други мои, – говорил он, – покуда соседние ярлы не растащили наследие Скеглара Тости по частям».

Юный Владимир никогда в своей жизни не видел столько воды, которая шумела и пенилась под напором ветра, от которой исходил совершенно особенный соленый запах. Днем, вечером и на рассвете взор Владимира не различал вокруг идущей на закат ладьи ничего, кроме морской глади. Бледно-бирюзовое море сливалось вдали с линией горизонта, к какой из сторон света ни обращал бы Владимир свой взгляд. Ему стало казаться, что морю не будет конца, что скорее всего кормчие сбились с пути.

Когда солнце в очередной раз скатилось в морскую пучину, окрасив небосвод на западе оранжево-красными отблесками, Владимир схватил Добрыню за руку и стал умолять его повернуть обратно к устью реки Невы.

– Дядюшка, мне совсем худо, – стонал Владимир. – Я не могу ни спать, ни вкушать пищу. Все, что я съедаю, выходит из меня вместе со рвотой. Меня, наверное, отравили. Ох, как мне скверно! Я умираю!..

– Такой недуг часто случается у людей, впервые оказавшихся в море, – успокаивал племянника Добрыня. – Никто тебя не травил, дружок. Я ведь вкушаю то же, что и ты, и вполне здоров. Спустись под палубу, приляг.

– Не хочу я сидеть внизу, там темно и страшно, – капризничал Владимир. – Стоит мне лечь, как у меня начинается головокружение. Я хожу как пьяный, дядюшка. А ведь я не пил ни пива, ни медовухи.

– Потерпи, племяш, недолго осталось. – Добрыня встряхнул Владимира за плечи. – Скоро покажется остров Готланд.

Мрачные тучи напоззли с северо-востока, влекомые тягучими порывами холодного ветра. Морская гладь померкла, напитавшись темными красками. Вскоре погас закат и ночная тьма окутала качающиеся на волнах длинные ладьи, на которых зажглись факелы, дабы кормчие не растеряли друг друга в промозглом мраке.

Гридни укладывались спать прямо на палубе, заворачиваясь в плащи и овчины. Оружие все держали под боком. В здешних водах были нередки случаи нападения морских разбойников.

Добрыня устроился на ночлег в палатке, поставленной именно для него на корме судна. Здесь же лег спать и Владимир, измотанный этим долгим плаванием.

Кормчий и его помощник спали поочередно, поскольку им приходилось выдерживать постоянный курс, находясь подле рулевого весла. Не спали и те из гридней, кому выпало в эту ночь быть впередсмотрящими. Находясь на носу корабля, они внимательно вглядывались вперед, чтобы вовремя заметить скалу, торчащую из пучины моря, остров или огни встречного судна.

Добрыне удалось поспать лишь урывками, поскольку Владимир то и дело будил его своими стонами и охами. Постель казалась княжичу слишком жесткой, его постоянно мутило и бросало то в озноб, то в жар.

Июньская ночь пролетела незаметно.

Услышав над собой чье-то дыхание, Добрыня встрепенулся и открыл глаза. Меж краями входных занавесок в палатку просачивался бледный свет раннего утра. Доносился шум волн, рассекаемых носовым штевнем ладьи, слабо поскрипывали шпангоуты и внутренние переборки. Над Добрыней склонился кормчий Светозар в длинной полотняной рубахе и кожаном плаще, его бородатое морщинистое лицо выглядело уставшим, волосы были растрепаны ветром.

– Подымайся, воевода, – прошептал Светозар, чтобы не разбудить спящего Владимира. – Готланд на горизонте.

Откинув с себя одеяло из беличьих шкурок, Добрыня торопливо надел сапоги, нацепил узорный пояс с кинжалом и выскользнул из тесной палатки на палубу.

Дружинники были уже на ногах. Каждый из них был занят каким-нибудь делом. Кто-то точил меч, кто-то чинил рукоять боевого топора, кто-то латал порванную одежду... Несколько гридней с помощью веревок ворочали тяжелый рей с распущенным парусом, ловя утренний бриз. Светозар расхаживал по палубе, поглядывая на небо и негромко отдавая распоряжения.

Добрыня первым делом посмотрел, все ли из четырех ладей следуют за его головным судном. К счастью, никто ночью не сбился с курса и не отстал. Все пять кораблей идут по спокойному морю чередой друг за другом. Пройдя на нос ладьи, Добрыня вгляделся в даль.

Над линией горизонта, к которому бежал его корабль, явственно виднелась гористая гряда с несколькими острыми черными вершинами, над которыми скопились белые облака. Поднимавшееся на востоке солнце придавало поверхности моря стальной оттенок, вдали же море блестело, как серебро. На фоне этого серебристого блеска темные скалы острова казались каким-то зловещим видением.

Далекий остров, постепенно вырастая на глазах, вытягивался вширь черной неровной полоской, над которой господствовал горный кряж.

– Вот и Готланд, воевода, – зевая, радостно промолвил Рацлав. – Наконец-то, добрались!

«Мрачноватое местечко!» – промелькнуло в голове у Добрыни. Он хмуро взглянул на улыбающегося Рацлава и процедил сквозь зубы: – Чему ты, дурень, радуешься? Еще неизвестно, как нас здесь встретят. Мы ведь гости-то незваные.

Глава четвертая Незванные гости

Был в дружине у Добрыни гридень-свей родом с Готланда по имени Сигвальд. Несколько лет тому назад Сигвальда, как младшего сына в семье, отец и старшие братья спровадили в чужие края. У варягов был такой обычай, по которому сыновья, лишённые наследства, отправлялись на чужбину, чтобы добиться успеха в жизни, опираясь лишь на свою доблесть. Немало наемных воинов-варягов имелось в отрядах датских конунгов и среди телохранителей василевса ромеев, много варягов оседало и на Руси в дружинах здешних князей. Сигвальд приглянулся Добрыне своей статью и воинской сноровкой, поэтому он не просто взял его в свою дружину, но и приблизил к себе, сделав сотником.

Сигвальду было всего двадцать лет, но и в столь юные годы он уже был искусным рубакой и метким стрелком из лука, поскольку не расставался с оружием с тринадцати лет. В четырнадцать лет Сигвальд отправился в свой первый поход, в котором добыл голову врага и его оружие. В пятнадцать лет Сигвальд получил свою первую рану. С шестнадцати лет Сигвальд ходил в дальние морские походы с викингами, которых возглавляли разбойные ярлы Роголанда и Гаутланда. Викинги, как и полагалось морским разбойникам, не подчинялись ни конунгу Вестфольда, ни конунгу Трендалега, ни верховному конунгу Ушпенда. Викинги были сами за себя, постоянно рискуя головой и не делясь ни с кем своей добычей. Все верховные правители варягов боролись по мере сил с морским разбоем у своих берегов, но никто из них не мог до конца искоренить это зло. Из года в год викинги пополняли свои ряды селянами-бондами, изгнанными из общины за какое-либо преступление, беглыми рабами и младшими отпрысками знатных и богатых семей.

Отцом Сигвальда был Хьорлейф, богатый купец, живущий в городе Висбю, – самом крупном торговом центре на острове Готланд.

Едва ладьи Добрыни причалили к берегу в бухте Висбю, как Сигвальд тотчас же отправился в дом своего отца. Добрыня дал Сигвальду поручение разведать через свою родню о том, что творится ныне на Готланде, кто здесь правит и где можно встретиться со здешним ярлом.

Все торговцы, прибывавшие в Висбю, размещались в особых домах, выстроенных в складчину различными купеческими сообществами, основанными по национальному признаку. Так, арабские купцы имели пристанище на одной из улиц в торговом квартале Висбю, рядом на другой улице располагались купцы-фризы, с которыми соседствовали купцы-франки и торговцы с острова Рюген. Торговые гости с Руси тоже имели свою улицу в этом квартале, соседствуя с греческими и немецкими купцами. Бойкая торговля шла на Готланде каждое лето, ведь этот остров на Балтике лежал на пересечении морских торговых путей из Скандинавии и Руси в Европу.

Впрочем, не все торговцы размещались в тесном купеческом квартале, многие разбивали шатры на Торговом Поле за крепостным валом. Там было гораздо свободнее, к тому же рядом был лес, где можно было добыть дров, и неподалеку протекали ручьи с чистой прозрачной водой. В городе же всегда были затруднения с водой и дровами. Колодцев было всего несколько, а хворост приходилось покупать у местных жителей.

Добрыня велел своим людям поставить палатки на Торговом Поле вблизи от своих ладей, выгашенных на низкий песчаный берег.

Дружина Добрыни еще обустроивала лагерь на берегу, перетаскивая пожитки с кораблей на сушу, а расторопный Сигвальд уже повидался со своими родственниками и вернулся обратно. Со слов Сигвальда выходило, что буквально вчера местная знать похоронила Халльфреда, сына Скеглара Тости от наложницы. Халльфред был слабого здоровья и не пользовался уважением своих родственников, ибо не отличался храбростью и здравым умом. Ярлом Халль-

фред стал по воле случая, так как никого из взрослых мужчин в роду покойного Скеглара Тости больше не осталось. Теперь трон ярла пустует, поскольку сыновей у скончавшегося Халльфреда нет, а есть только дочери.

– Местная знать и бонды собираются на днях созвать тинг, чтобы решить, кого поставить ярлом в Вестерготланде, – сказал Сигвальд, отвечая на расспросы Добрыни. Тингом варяги называли народное собрание. – Земли, принадлежащие семье Скеглара Тости, лежат в долине Трольсхейм в глубине острова. Там же расположено и городище ярла в местечке под названием Велинг. Это примерно в пяти верстах от Висбю. Сегодня и завтра в Велинге будет происходить тризна по умершему ярлу Халльфреду. Туда уже съехались многие соседние ярлы и хевдинги.

Не теряя времени даром, Добрыня призвал к себе в шатер Регнвальда, Харальда и Добровука.

– Вовремя мы пожаловали на Готланд, други мои, – промолвил он. – Здешний ярл Халльфред умер позавчера и уже погребен. Сегодня родня Халльфреда устраивает поминальное пиршество, гости уже съехались. Вам обязательно нужно объявиться на этом пиру. – Добрыня глянул на Регнвальда и Харальда. – Лучшего момента для того, чтобы вам заявить о своих правах на Вестерготланд, нельзя и придумать. Други мои, надо ковать железо, пока горячо! Я уже велел Сигвальду купить на торжище лошадей, пешком-то нам придется долго топтать до родового гнезда ваших предков.

– Я вижу, ты все уже решил за нас, – сказал Регнвальд, обращаясь к Добрыне. – С ходу бросаешься в омут с головой, приятель.

– Удачу надо хватать за хвост, а не ждать, когда она сама тебя отыщет, – проговорил Добрыня, открыв сундук, где у него хранилась одежда. – Ступайте, оденьтесь побогаче, золота на себя нацепите побольше, оружие с собой захватите на всякий случай. Через час выступаем, дорогу нам укажет Сигвальд.

Регнвальд и Харальд поднялись со скамьи и направились к выходу из шатра. И только Добровук не тронулся с места.

– Меня ты с собой не берешь, воевода? – хмуро проронил он, исподлобья взирая на Добрыню. – Мне-то что делать?

– Ты останешься здесь за старшего, – роясь в сундуке, ответил Добрыня. – Гляди в оба за княжичем Владимиром, за казной нашей и за ладьями. Не ровен час, придется по-быстрому ноги отсюда уносить, поэтому дружина пусть никуда не расходится.

Добровук шумно вздохнул, выражая тем самым свое недовольство, что его оставляют как бы не у дел, но спорить с Добрыней он не стал.

Кроме Регнвальда, Харальда и Сигвальда вместе с Добрыней в эту поездку отправились еще шестеро крепких дружинников в полном боевом облачении.

Десяток всадников на низкорослых мосластых конях мышинной масти проехал вдоль поросшего густой травой крепостного вала и выбрался с пестреющего разноцветными шатрами Торгового Поля на узкую проселочную дорогу. Неподалеку от Висбю вздымалась поросшая еловым и сосновым лесом горная гряда, дорога вела к ней. На зеленых лугах по сторонам от дороги паслись стада коров и табуны лошадей. На повозках, запряженных лошадьми, к портовому городу ехали местные сельяне. Кто-то вез тюки из овечьей шерсти, кто-то березовые дрова, кто-то грубовыделанные кожи, кто-то воск и сосновую смолу в деревянных кадучках...

Приглядываясь к местным жителям, Добрыня обратил внимание, что все они, мужчины и женщины, довольно высоки ростом, хорошо сложены, светловолосы и голубоглазы. Общинники-бонды одевались в узкие штаны из грубого полотна, в довольно длинные рубахи или куртки, надевавшиеся через голову, широкие плащи. На ногах у них были либо короткие сапоги без каблуков, либо шнурованные башмаки из более мягкой кожи. Голову бонды покры-

вали довольно высокой шапкой с заостренным или плоским верхом, снизу поля этих шапок можно было загибать наверх на разную высоту.

Местные женщины носили либо длинные платья, либо широкие юбки, к которым прилагалась короткая куртка до талии, с застежками на груди и длинными рукавами. Жены бондов надевали на голову полотняный или сетчатый чепчик с длинными завязками, концы которых завязывались под подбородком. Девушки чаще ходили с распущенными по плечам волосами и с непокрытой головой.

Все свободные люди одевались в одежды, окрашенные в разные цвета, и носили длинные волосы. Невольники всегда были коротко острижены и носили одежду из неокрашенного домотканого полотна.

Сигвальд прекрасно знал эти места, поскольку вырос здесь. Он ехал впереди, его конь шагал бок о бок с конем Добрыни. Сигвальд рассказывал Добрыне о том, куда в конце концов может привести эта дорога, минуя усадьбу Велинг, какие хутора лежат в окрестностях Висбю, почему долина за горной грядой Гурлитой называется Трольсьхейм.

– В далекие былые времена в этой долине жили тролли, страшные волосатые великаны ростом с дерево, – молвил Сигвальд, небрежно сидя в седле и отгоняя от себя веточкой назойливых комаров. – Тролли развлекались тем, что скатывали сверху вниз по горным склонам огромные камни. Эти каменные глыбы всякий может увидеть у южной подошвы горы Гурлиты, там же сохранились и гигантские следы троллей, отпечатавшиеся на горном склоне.

Слушая Сигвальда, Добрыня позволил себе еле заметную недоверчивую усмешку.

– Куда же подевались эти тролли? – поинтересовался он. – При таком росте и такой силе эти великаны должны были и поныне господствовать на всем Готланде.

– Так оно и было до поры до времени, – заметил Сигвальд. – Беда троллей заключалась в том, что они могли выходить из своих пещер только по ночам. Лучи солнца мигом превращали троллей в камень. Поскольку тролли были существами глуповатыми, то им далеко не всегда удавалось в своих ночных рысканиях по горам и лесам рассчитать время на обратный путь до своих пещер. С течением времен численность незадачливых троллей постоянно сокращалась, пока все они не исчезли совсем.

Видя по выражению лица Добрыни, что тот относится к услышанному о троллях с явным недоверием, Сигвальд добавил самым серьезным тоном:

– Окаменевших троллей можно увидеть и поныне в разных местах Готланда. В горах остались и пещеры, где жили тролли. Я своими глазами видел жилища этих исполинов и их самих, обратившихся в камень.

– Что ж, коль будет возможность, покажешь мне хотя бы одного окаменевшего тролля, – сказал Добрыня, не пряча улыбки. Его забавляла беседа с Сигвальдом.

– Зачем же откладывать, воевода, – мигом отреагировал Сигвальд. – Парочка окаменевших троллей находится в лесу на горном склоне, по которому мы станем спускаться в долину. Это место совсем недалеко от дороги. Коль у тебя есть желание...

– Желание, конечно, есть, – перебил дружинника Добрыня. – Мне еще не доводилось видеть великанов с дерево, ни живых, ни окаменевших. Будет, о чем рассказать княжичу Владимиру, когда вернемся в Висбю.

Узкая лесная дорога сначала тянулась наискось по склону горной гряды, укрытая голубой тенью могучих елей, мохнатые ветви которых цеплялись за плечи гридней, едущих на конях попарно. Маленькие юркие пташки, посвистывая, летали между деревьями, ловя мошек и комаров. Чистый прохладный воздух был напоен густым ароматом хвои и сосновой смолы.

На вершине горы Сигвальд придержал коня, указав рукой на раскинувшуюся внизу широкую зеленую долину. Там, вдалеке, ярко голубело круглое озеро, словно чаша, окруженная лугами и рощами. На берегу озера виднелось скопище домов, отсюда с высоты напоминавшее бурое пятно.

– Это и есть городище Велинг, – сказал Сигвальд, взглянув на Добрыню.

* * *

Под ногами у Добрыни не было ни тропинки, ни стежки, лишь сухая опавшая хвоя, сухие ветки, маленькие и большие камни. Свисающие лапы елей кололи ему лицо и шею, он то и дело спотыкался, взбираясь по горному склону вслед за Сигвальдом. Тот уверенно шагал впереди, огибая деревья и ловко перескакивая с одного плоского камня на другой. Красный плащ Сигвальда служил для Добрыни ориентиром, мелькая в нескольких шагах перед ним среди темно-коричневых сосен и стройных зеленых елей.

Добрыня изрядно вспотел, карабкаясь по склону горы и стараясь не отставать от быстрого Сигвальда. В какой-то момент Добрыне стало казаться, что Сигвальд просто-напросто морочит ему голову, потащив за собой в лесную чащу, что на самом деле нет никаких окаменевших великанов, а есть лишь байки о них, распространенные суеверными стариками. «Сейчас Сигвальд помотается по горным склонам, двигаясь по кругу, а потом заявит мне, что не смог отыскать окаменевшего тролля», – промелькнуло в голове у Добрыни.

Увидев, что Сигвальд застыл на месте и машет ему рукой, Добрыня ускорил шаг.

На плоской вершине горы, поросшей лесом, среди серых базальтовых и гранитных глыб, покрытых зеленовато-сиреневыми пятнами мха, взору Добрыни предстал гигантский кусок горной породы, внешне очень напоминающий лежащего на боку человека со склоненной наземь головой. Можно было без труда различить в этом каменном изваянии мощные плечи и грудь, мускулистые бедра и длинные икры ног. Можно было различить на огромной каменной голове широкий, чуть приплюснутый нос, массивные надбровные дуги, выпирающие скулы и глубокие пустые глазницы. Рук у этого рухнувшего каменного великана не было.

– Вот что осталось от некогда могучих троллей, – тихо произнес Сигвальд, прислонившись плечом к сосне.

Добрыня, пораженный увиденным, прошел вдоль упавшей громады окаменевшего тролля, измеряя шагами длину его тела от ступней ног до головы. У него вышло двадцать шагов.

– Как же кормились эти диковинные исполины, где они укрывались от непогоды? – промолвил Добрыня, подойдя к Сигвальду.

– Тролли были всеядны, они не гнушались даже человечинной, – ответил Сигвальд. – Жили тролли в пещерах или в глубоких подземельях, которые они выкапывали поблизости от леса и пресных источников. Это счастье для людей, что все тролли вымерли на Готланде, иначе...

– Разве тролли обитали где-то еще, кроме Готланда? – Добрыня изумленно возрился на Сигвальда.

– Конечно, – без малейших колебаний промолвил Сигвальд. – Когда-то тролли обитали по всей Скандинавии, от Трендалега до Упленда и Смоланда. Об этом рассказывают древние саги. Это было в ту пору, когда боги жили рядом с людьми, защищая их от всякой нечисти. Может, в какой-нибудь дальней глухомани тролли еще топчут землю своими огромными ступнями, кто знает. Троллей, как и людей, создали могущественные боги-прародители, а творения богов уничтожить не так-то просто.

Весь оставшийся путь до поместья Велинг Добрыня проделал в молчании, несмотря на все попытки Регнвальда и Харальда разговорить его. На лице у Добрыни лежала печать некоего немом потрясения, словно то, что он увидел на горной вершине, спутало все его мысли.

Усадьба Велинг была расположена на широком мысу, так что с трех сторон ее омывали воды озера с тем же названием. С четвертой стороны была возведена дугообразная стена из камней в три локтя толщиной и в три локтя высотой. В стене имелся проезд для повозок,

который закрывался двумя створами дощатых ворот, прикрепленными ко вкопанным в землю невысоким столбам.

Прямоугольный двор усадьбы с севера, запада и юга окружали различные строения с очень высокими двускатными кровлями, крытыми дерном. Двор был вымощен плоскими камнями, белыми и желтыми. Добрыне этот контраст показался очень необычным: на дворе не было ни травинки, ни кустика, зато на крышах жилищ зеленела настоящая сочная поляна. К главному большому дому, очень длинному и высокому, с торцов примыкали два других дома, пониже и поменьше. Один образовывал как бы продолжение большого дома, а другой примыкал к нему под прямым углом. Все прочие строения, вытянувшиеся по периметру двора, были совсем неказисты и приземисты, их стены, как и стены больших домов, были выложены из пластов аккуратно нарезанного торфа. Из-за этого все дома в этом поместье со стороны напоминали темно-бурые удлиненные и круглые холмы с сочно-зеленым травяным верхом.

Подъезжая к воротам усадьбы, отряд Добрыни нагнал четверых конников, двух мужчин и двух женщин. Судя по их одежде, это были знатные люди. Вооруженная стража у ворот, видимо, зная этих четверых в лицо, пропустила их во двор беспрепятственно. Добрыне же и его людям въезд в усадьбу преградили склоненные копыя стражников в круглых металлических шлемах и кольчугах.

– Эй, а вы кто такие? – раздался грозный окрик старшего из стражей, рыжеволосого детины с длинными усами соломенного цвета. Окрик прозвучал на варяжском наречии.

В разговор со стражами вступил Сигвальд. Он громко и властно бросил оторопевшим воинам, чтобы они расступились и пропустили во двор тех, кому ныне пристало здесь быть в первую очередь.

– Перед вами внуки достославного Скеглара Тости, ушедшего к предкам, – молвил Сигвальд, сидя в седле с надменным видом. Он сделал жест в сторону своих спутников. – Это Регнвальд, сын Сфандры, а рядом с ним – Харальд, сын Рагнхильды. Сфандра и Рагнхильда, мир их праху, являлись дочерьми Скеглара Тости.

– А ты, молодец, не сын ли купца Хьорлейфа Краснощекого? – спросил старший из стражей, внимательно разглядывая Сигвальда. – Твое лицо мне знакомо.

– Да, я – младший сын Хьорлейфа, – ответил Сигвальд, назвав стражникам свое имя. – Ныне я служу воеводе русов Добрыне и его племяннику, княжичу Владимиру. В дружине у Добрыни состоят и Харальд с Регнвальдом.

После этих слов Сигвальда в разговор со стражами вступил Добрыня, который неплохо владел языком варягов, часто общаясь с ними в Новгороде.

– Мы сожалеем, что норны столь внезапно оборвали нить жизни ярла Халльфреда, – сказал он. – Коль нам будет позволено, то мы почтим добрым словом усопшего Халльфреда на поминальном пиру.

Стражи опустили копыя, пропустив Добрыню и его свиту во двор усадьбы. Воины изумленно приглядывались к Регнвальду и Харальду, которые спешили среди двора, передавая поводья подбежавшим слугам. Один из стражников бегом бросился к большому дому, не имевшему окон, с выходящими на двор тремя дверными проемами. Воин забежал внутрь дома через центральный из трех входов, толкнув плечом тяжелую узкую дверь.

Не прошло и трех минут, как из всех дверей главного дома валом повалили люди в нарядных одеждах, – мужчины, женщины и дети – эта шумная галдящая толпа плотным кольцом окружила Харальда и Регнвальда, оттеснив в сторону Добрыню и прочих его гридней. Отовсюду неслись удивленные возгласы и перешептывания, десятки глаз пристально разглядывали Регнвальда и Харальда, на которых стражники показывали пальцем. В людской разноголосице слышались споры; кто-то утверждал, что Регнвальд необычайно похож на свою мать Сфандру, а кто-то настаивал на удивительном сходстве Регнвальда с покойным Скегларом Тости. Поминали в толпе и Рагнхильду, узрев что-то от ее черт в лице Харальда.

Неожиданно от группы женщин отделилась знатная матрона в длинном лиловом платье из блестящего шелка с золотыми узорами на оплечье и рукавах, с белым чепцом на голове, из-под которого выбивались два вьющихся золотисто-рыжих локона. Матрона была уже немолода, и все же, несмотря на морщины, ее лицо по-прежнему блистало дивной благородной красотой. Женщины и мужчины почтительно расступались перед этой знатной особой, которая шла напрямиком к Регнвальду, не замечая никого вокруг.

Добрыня, взглянув на эту матрону, сразу узрел в ней поразительное сходство со Сфандрой. Он толкнул локтем Сигвальда, выразительно кивнув на незнакомку в лиловом платье. «Это кто такая?» – был молчаливый вопрос в глазах у Добрыни.

– Это Теодхильда, супруга покойного Скеглара Тости, – сказал Сигвальд.

– Какая красивая женщина! – восхищенно обронил Добрыня. – Так вот, от кого Сфандра унаследовала свою прекрасную внешность.

Тем временем Теодхильда приблизилась к Регнвальду и со слезами на глазах упала ему на грудь. Регнвальд выглядел смущенным и растерянным. Ему радостно кричали со всех сторон, что это его бабка. Потом Теодхильда обняла Харальда, которого она видела до этого еще совсем юным мальчиком много лет тому назад.

Вступив в беседу со своей бабкой, Регнвальд и Харальд представили ей Добрыню, на службе у которого они находились.

Отвесив поклон Теодхильде, Добрыня поведал ей, что злой рок выгнал его из Новгорода, превратив в скитальца. Этот же злой рок привел Добрыню на остров Готланд, где он надеется обрести сильных друзей и союзников.

– Прости, государыня, что вторгаюсь к тебе незванным гостем в столь скорбный для тебя день, – со смиренной печалью на лице добавил Добрыня.

Теодхильда приветливо улыбнулась Добрыне. Ей сразу понравился этот статный красивый русич, скромный и почтительный, так свободно изъясняющийся на наречии свеев.

– Да, вы гости незваные, – промолвила Теодхильда, то любуясь Регнвальдом и Харальдом, то переводя счастливый взор на Добрыню. – И тем не менее вы здесь желанны, как никто другой, именно в этот траурный день. Не иначе сам Ингви и его сестра Фрейя прислали вас сюда, услышав мои молитвы. – Теодхильда обернулась к своим приближенным и гостям с торжествующим блеском в глазах, радостно воскликнув: – Смотрите, люди! Не иссяк еще славный род отважного Скеглара Тости! Милостью добрых богов-асов к нам прибыли из Гардарики мои взрослые внуки Регнвальд и Харальд. Они и возглавят наш род и примут под свою руку земельные владения моего покойного мужа.

Глава пятая

Рожденные с правом Одаля

Жилище вдовы Скеглара Гости и ее домочадцев произвело на Добрыню не самое лучшее впечатление. Оказавшись внутри большого длинного дома, Добрыня увидел просторное помещение с очагом посередине. Несколько установленных попарно столбов, украшенных резьбой, поддерживали высоченный шатровообразный свод, в котором зияла большая дыра для выхода дыма. По обеим сторонам от очага, обложенного камнями, были установлены столы с разнообразными яствами. Скатертей на столах не было. Гости сидели за столами на длинных скамьях попеременно, мужчины и женщины, только детей усадили отдельно от взрослых. Земляной пол в главном зале был густо посыпан соломой. Самые знатные из гостей и хозяева дома сидели ближе к очагу, менее знатные гости довольствовались местами с краю, неподалеку от дверей, которые вели в соседние помещения.

Прежде, чем попасть в главное помещение дома, где были накрыты столы, гостям надо было сначала миновать полутемную прихожую, там мужчины были обязаны оставить свое оружие, потом гости проходили через комнату прислуги, где тоже пылал очаг, на котором готовились мясные и рыбные кушанья. Стены, разделяющие комнаты, были сколочены из жердей и досок и увешаны богатыми коврами. Внутренние дверные проемы тоже были задернуты плотными занавесками из яркой ткани. Поскольку окон в доме не было, во всех комнатах горели светильники, подвешенные к столбам.

Пиршественный зал одновременно служил и мужской половиной дома, здесь же стоял трон ярла, вдоль стен с двух сторон были расположены лежанки на земляных и дощатых возвышениях. Тут же стояли сундуки для хранения одежды, обуви, посуды и прочих необходимых вещей. Воздух в пиршественном зале был пропитан запахом дыма, жареного мяса и ячменного пива. Тризна по умершему ярлу Халльфреду как-то незаметно превратилась в пиршество, посвященное приезду в Велинг Регнвальда и Харальда, внуков почтенной Теодхильды.

Застолье продолжалось до вечера. На закате дня Теодхильда вручила каждому из гостей полагающийся в таком случае подарок, объявив, что на этом поминальные торжества по Халльфреду закончены. Мол, в дом к ней пришла радость вместе с Харальдом и Регнвальдом, а посему у нее нет никакого желания чествовать покойного Халльфреда, который никчемно жил и умер жалкой смертью. Гости стали разъезжаться по окрестным хуторам и селениям, и каждый из них старался на прощанье пожать руку Регнвальду и Харальду, понимая, что в скором времени один из них станет ярлом Вестерготланда.

Однако кое-кто из гостей остались в поместье Велинг на ночлег, это были те, кто прибыл сюда издалека. Среди них особенно выделялись двое. Одного звали Эмунд Костолом. Он был женат на одной из дочерей покойного ярла Халльфреда. Эмунд тоже был ярлом, его владения лежали к северу от Висбю, на другой стороне острова Готланд. Другого звали Торд Хриповатый. Он доводился Теодхильде двоюродным племянником, прибыв на Готланд из Тьундаленда. Эта область была расположена на Скандинавском полуострове, отделенном от Готланда широким морским проливом. На Готланде и в Тьундаленде проживали варяги из племени гаутов, поэтому выходцы из этих мест зачастую были связаны между собой родством.

Добрыне сразу бросилось в глаза, что Эмунд и Торд не очень-то обрадовались появлению в Велинге Регнвальда и Харальда. Сидя за пиршественным столом, Добрыня уловил своим чутким ухом перешептывания некоторых захмелевших гостей, которые злорадствовали втихомолку, довольные тем, что теперь ни Эмунду, ни Торду не стать повелителями Вестерготланда. Судя по всему, Эмунд и Торд были явно не по душе ближним соседям Теодхильды.

На ночь Добрыню и его людей предусмотрительная Теодхильда разместила отдельно от прочих гостей, которые легли спать в пиршественном зале. Гостям с Руси Теодхильда предо-

ставила комнату, где жили ее рабыни. По этому случаю всех невольниц спровадили почивать кого на сеновал, кого в поварню, кого в покои Теодхильды.

Добрыня долго не мог уснуть из-за духоты и громкого храпа, доносившегося из пиршественного зала через тонкую перегородку. К тому же Добрыню распирало сильнейшее любопытство, ему очень хотелось узнать, о чем толкует Теодхильда, уединившаяся с Харальдом и Регнвальдом в своей опочивальне.

Наконец, Регнвальд и Харальд вышли из покоев своей бабки и стали укладываться спать. Добрыня не утерпел и выскочил из-под одеяла.

– Ну, что тебе поведала Теодхильда, друже? – громким шепотом спросил он, присев сбоку на ложе Регнвальда.

Тот лежал на постели, закинув руки за голову.

– Сначала Теодхильда расспрашивала меня и Харальда про наше житье на Руси, про мою мать выведывала, про моего отца... – после недолгого молчания тихо промолвил Регнвальд, не глядя на Добрыню. – Очень расстроилась Теодхильда, узнав, что родители мои умерли. Сфандра была ее самой любимой дочерью. Потом Теодхильда сказала, что Эмунд и Торд, конечно же, станут оспаривать на тинге право мое и Харальда взять власть в Вестерготланде. Однако у них вряд ли что-нибудь получится, ибо народное собрание придерживается здешних законов и не пойдет на поводу даже у самых могущественных конунгов.

– Значит, не Теодхильда, а народное собрание будет решать, кому быть ярлом в Вестерготланде. – Добрыня разочарованно покачал головой. – Разве можно в таких делах полагаться на мнение народа! Что путного можно ожидать от толпы?

– Насколько я понял со слов Теодхильды, тинг у варягов весьма отличается от новгородского веча, – сказал Регнвальд. – Все решения тинга основываются на древних законах, нарушить которые не позволено ни ярлам, ни конунгам – никому. За этим следят особые старейшины – годи.

– Как же варяги записывают свои законы, ведь у них нет письменности? – поинтересовался Добрыня.

– Я задал Теодхильде этот же вопрос, – ответил Регнвальд, – и узнал от нее, что все местные законы хранят в памяти так называемые законоговорители. Их выбирают на народном собрании именно с этой целью. При любом споре на тинге собравшиеся всегда сначала выслушивают законоговорителей, а уж потом принимают решение.

Добрыня, насмотревшийся всякого на народных сходках в Новгороде, лишь пренебрежительно усмехнулся, слушая Регнвальда.

– Всякий закон можно истолковать по-разному, ежели постараться, – хмуро обронил он. – Эмунд и Торд отсыплют злата-серебра этим законоговорителям и лишат вас с Харальдом родового наследства. Вот ведь как может обернуться, приятель. – Добрыня тяжело вздохнул и мрачно добавил: – Как говорится, от чего мы ушли, к тому и пришли.

Регнвальд промолчал.

– Спать ложитесь, нечего раньше времени беспокоиться! – раздался негромкий голос Харальда с соседней кровати.

* * *

Свои народные собрания варяжские общины Готланда проводили в местечке под названием Браттахлид, что переводится как «Крутой яр». На варяжский тинг допускались только взрослые мужчины, женщинам и детям доступ на эти собрания был запрещен. После того, как старейшины-годи принимали решение созвать народ на сходку, во все города, селения и хутора рассылались гонцы с известием об этом. Обычно тинг собирался дважды в месяц.

Глядя на бондов, живущих в окрестностях Велинга и Висбю, Добрыня обратил внимание, что большинство здешних селян-общинников независимы от конунгов и ярлов. Это были, как правило, зажиточные крестьяне, имеющие в достатке землю и скот. У зажиточных бондов имелись свои выборные предводители – хевдинги, которые отстаивали их интересы на тинге перед высшей варяжской знатью.

На службу к ярлам и конунгам чаще всего поступали обедневшие или разорившиеся бонды либо младшие сыновья, лишенные наследства. Из таких людей состояла небольшая дружина покойного ярла Халльфреда, живущая в усадьбе Велинг вместе с прочими домочадцами Теодхильды. Впрочем, среди бондов имелась небольшая прослойка лендрманов, так назывались люди, получившие земельный надел в личную собственность от конунга или ярла. Лендрманы тоже состояли на службе у знатных варягов, выступая с ними в поход по первому зову. Среди лендрманов было немало пришлых чужаков и бывших невольников, поэтому зажиточные бонды их сторонились.

Добрыня был в недоумении, видя, что Теодхильда отправляет на тинг не всех своих лендрманов, а лишь тех из них, кому перевалило за сорок лет. Несмотря на то, что все дружинники покойного Халльфреда имели право голоса, на тинг был отправлен из них лишь рыжеволосый Гудмунд. Такова была воля Теодхильды.

Добрыня спросил у Теодхильды, почему она так поступает, ведь на народном собрании при голосовании важен каждый голос. В ответ Теодхильда сказала Добрыне, что у варягов нет обычая решать важные вопросы простым поднятием рук. «У нас существуют законы, исходя из которых на тинге выносятся наилучшее решение по любому спору, – промолвила Теодхильда. – Если бы все решалось обычным большинством голосов, тогда на всяком тинге окончательное слово оставалось бы за Эриком Сегерселем, конунгом Уппленда, ибо у него великое множество дружинников и лендрманов».

Проводив Регнвальда и Харальда на тинг в Браттахлид, Добрыня тоже не задержался в Велинге. Он отправился в Висбю по просьбе Теодхильды, которая очень хотела повидаться с Тюрой, сестрой Харальда. Добрыня должен был привезти Тюру в Велинг. Заодно Добрыня пообещал представить пред очи Теодхильды Кейлу, жену Харальда.

Если Кейла мигом согласилась поехать в Велинг, чтобы повидаться с бабкой Харальда, то Тюра заупрячилась, узнав, что ее муж Добровук с нею не поедет. По воле Добрыни Добровуку надлежало опекать княжича Владимира и следить за порядком в стане русской дружины. Два дня потребовалось Добрыне, чтобы уговорить Тюру съездить в Велинг без супруга. Тюра уступила Добрыне лишь после уговоров Кейлы и Добровука.

В честь приезда Тюры и Кейлы в доме Теодхильды вновь состоялось застолье. На этот раз в пиршественном зале собрались в основном женщины, подруги и соседки Теодхильды. Сидевший на почетном месте Добрыня с интересом прислушивался к разговорам жен и дочерей здешних бондов и хевдингов. По внешнему виду и по поведению подруг Теодхильды было видно, что эти женщины не испытывают никаких притеснений со стороны мужей и братьев. В здешних краях было в обычае, что любой мужчина может спокойно покинуть свой дом на какой угодно срок, оставив детей и хозяйство на попечение жены.

Слушая Теодхильду и ее соседок, Добрыня поражался их сметливости, рачительности и осведомленности в делах по уходу за скотом, домашней птицей, пчелиными ульями, хлебными нивами и огородами. При этом на плечах этих сильных духом женщин лежали еще заботы по воспитанию детей и по надзору за рабами, без которых не обходилось ни одно хозяйство местных бондов.

Все женщины, собравшиеся на застолье у Теодхильды, были очень привлекательны внешне. Все они были светловолосы и голубоглазы, стройны и белокожи, с правильными чертами лица. Теодхильда превосходила по знатности всех своих соседок, но по богатству одежд ни одна из ее подруг тем не менее ей не уступала. Жены местных бондов носили платья ярких

расцветок из дорогой заморской ткани, которая на варяжском наречии называлась вадмал. Эта ткань обычно была с различными узорами, сочетая в себе радужное соцветие из оттенков синего, голубого, желтого, розового и зеленого. Из местной и тонкой привозной шерсти здешние мастерицы ткали очень мягкую ткань, полосатую или в клетку, под названием моренд. Эта шерстяная материя, как правило, имела более темные расцветки, от фиолетового до бурокоричневого. Одежды в полоску или клетчатые были в ходу у местных модниц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.